VALERA BOBER

БУДНИ ИМПЕРАТОРА

Valera Bober

Будни императора. Научная фантастика

«Издательские решения»

Bober V.

Будни императора. Научная фантастика / V. Bober — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501966-0

Я просыпаюсь, и вижу то,что не должен был видеть ранее,но это лишь сон, и он бог во мне,и мы сходимся с ним во мнении, что это как наказа

ISBN 978-5-00-501966-0

© Bober V.

© Издательские решения

Содержание

Сборник БУДНИ ИМПЕРАТОРА 6
БУДНИ ИМПЕРАТОРА 6
УЧЕНИК ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА 13
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Будни императора
Научная фантастика

Valera Bober

© Valera Bober, 2019

ISBN 978-5-0050-1966-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник БУДНИ ИМПЕРАТОРА фантастические рассказы

БУДНИ ИМПЕРАТОРА

Александр, завернутый в черную повязку, закрывающую пол лица, в темных очках, сидел в кафе, смотрел в окно и рассуждал, что пожалуй о прошлом не стоит жалеть. Прошлое необратимо. Прошлое лучше созерцать со старых фотографий. Думать нужно о настоящем и о скором будущем. А еще он думал, что земля, почему-то на него всегда навевает странную ностальгию, неразрывно связанную с детством. И это, несмотря на то, что ближе по духу ему было все, что находилось, как раз, за границей земли. Там где распростерлась черная пустыня Системы. Это пространство заполнено жизнью, совершенно не похожей на земную, но такую же теплую и разумную. От венеры до марса живут люди. Живут по-разному, но с одинаковыми переживаниями и душевными болями. Иногда надевают розовые очки, иногда черные повязки. Они все с разной системой ценностей, но с единой философией условия выживания.

Но почему снова эта липкая тяжесть навалилась на все тело с самого утра? Как безысходность, от которой нет спасения. А главное, снова появились сомнения в правильности собственных действий. Он хорошо помнил, что самое трудное в жизни, это не исполнять чьи-то приказы, а принимать собственные решения. Особенно, если у тебя нет близких, которые могут дать искренний совет. Он понимал свои возможности на право выбора и ответственности. Конечно, если ошибка стоит одну кредитку, то и потеря не велика. Но если решение тянет на суммы, которые не укладываются в воображение, а вокруг тебя одни лицемеры, то остается надежда только на себя и еще может быть, на самых близких двух-трех людей. И самое страшное, что все время начинает присутствовать это тяжелое чувство сомнения, будто ты уже давно ошибся, и выхода из ситуации никакой нет, и остается только играть роль самоуверенного упрямца. И зачем? А лишь затем, чтобы кто-нибудь последний раз поверил в твои слова, в которые ты и сам с сомнением веришь.

Он заранее явился на встречу, что бы собраться с мыслями и обдумать все варианты разговора. Эта встреча была очень важна для него, и от нее зависела, без преувеличения, судьба империи. И вот теперь, когда осталось сделать последний и самый важный шаг в этой длинной и сложной цепочке политических интриг, он растерялся и не знал, о чем будет говорить, с таким важным для него человеком. И именно это его и раздражало.

– Сомнения, сомнения. Сплошные сомнения. Так можно и в депрессию увязнуть. – Мрачно вздохнул Александр, в окно разглядывая знакомые места.

Несмотря на раннее утро, солнце вовсю припекало. Небо было чистое без облаков, и без боли в глазах нельзя было смотреть на блестящую гладь воды. По высаженной пальмами набережной, не спеша проехали на лошадях два полицейских с короткими автоматами наперевес.

Александр допивал уже вторую кружку отвратительного серого кофе в маленьком поселке саусалито на берегу залива и подозревал, что в кафе экономят на сахаре, и на сливках. Он вздохнул, рассматривая свои сухие и длинные пальцы. Откинулся на спинку неудобного стула, сдул крошки со стола и провел по его стеклянной поверхности рукой. Поверхность мигнула и высветилась разбросанными квадратиками с какими-то иероглифами. В квадратиках заиграли картинки с пейзажами белоснежных городов. Александр присмотрелся. Это было похоже на разбросанные пазлы.

– Ага! – Подумал он. – Игра для идиотиков.

Он прижал ладонь к поверхности и на столе отпечаталась рука с поплывшими кругами. Мелодично просвистели сверчки. Александр пальцем прижал одну из картинок и сдвинул в сторону. Затем перемешал нарезанные картинки, а некоторые сложил вместе. Получилась фотография южного курорта с белоснежными домами, зелеными пальмами, голубым морем и счастливыми людьми. Александр равнодушно изучил рекламу, затем провел сверху вниз по ней пальцем, и картинка распалась на две части. Немного подумав, он рукой сдвинул все картинки в угол стола. Некоторое время они светились, потом растаяли. Рассеяно побарабанил пальцами по столу и в его углу проявился голубой глобус. На нем красовались континенты. Александр с интересом прижал глобус ладонью и притянул к себе. Развернул, разглаживая руками, увеличил и нашел сан-франциско. Сверху город был похож на кристаллическую плату с кубиками домов и линиями улиц. По ним муравьиными потоками ползли машины. Половину города, со стороны океана, закрывал туман. Он тут же вспомнил слова марк твена – нет холоднее зимы, чем лето в сан-франциско. Как странно! В десятке километров от того места, где он сидел, было холодно и мокро. Александр подвигал картинку и нашел на противоположенной стороне залива от сан-франциско, набережную саусалито. Картинка разрослась на весь стол. Это было забавно. На столе, с мельчайшими подробностями лежала часть набережной с тем кафе, в котором сидел Александр. Из кафе кто-то вышел и пошел через улицу. Александр повернул голову к окну. Через дорогу шла официантка к торговым лоткам на набережной. Александр перевел взгляд на стол и увидел на картинке ее белый головной убор среди торговых палаток. Он опять посмотрел в окно. Девушка возвращалась со свертком. Это была свежая ветчина для бутербродов. Хлопнула дверь. На картинке белый головной убор вошел в кафе.

– Что уставился? – Проскрипел мелодичным голосом стол. – Давай шевелись! Сегодня может быть дождь. Могу заказать билеты до евразии. Зависнем. Ха-ха.

Голос затих. Послышался топот копыт и через стол, от угла в угол, пробежало стадо лошадей. Александру стало скучно, он постучал пальцем. Звук был глухой, как в барабане. Стол заткнулся. Александр огляделся. Похоже, это было одно из тех мест, где никто никуда не торопится.

По-видимому у них никогда не возникает проблем. Где-то в груди шевельнулась зависть к такой беззаботной жизни, но он понимал, что это первое впечатление. Он прислушался. За соседним столиком черноволосая девушка с белой кожей говорила парню:

– Я не люблю собак. За ними нужно ухаживать и выгуливать. Вот кот другое дело.

– А когда у твоей мамы день рождение? – Рассеянно спросил парень.

Девушка смотрела в окно. Блики играли на ее лице.

– Нет ну, правда! Они такие нежные и ласковые. Их можно гладить. Это прикольно.

Парень молча уставился в окно, сморщив нос от солнца. Ему было лень разговаривать. У входа на улицу толстяк ломал куски хлеба коту. Кот косился на собаку, которая боялась подойти. Толстяк пнул кота и сказал собаке:

– Ты давай, а то эти морды все поедят.

Собака, испуганно понюхав хлеб, отошла в сторону. Толстяк покачал головой, подтянул грязную майку на животе и направился к автобусной остановке. Кот недовольно посмотрел вслед и снова принялся за хлеб.

Александр смотрел в окно. Недалеко от берега темнел остров со старой тюрьмой. За ним, через залив, заполненный парусами, блестели небоскребы сан-франциско. Похожие на разноцветные кристаллы, они вырастали из тесного острова, как грибы. Над ними мухами вились машины. Справа мигал огнями красный мост. Через него в залив лезли тучи холодного океанского тумана. Огромный мост до самого верха, был закрыт облаком. Видение захватывало и восхищало грандиозностью. Тем не менее, к прекрасному быстро привыкаешь. Александр посмотрел на часы над кассой.

– Не нервничай! – Успокоил он себе. – Не часто выпадает такое прекрасное утро.

Он сконцентрировался на собственных ощущениях, пытаясь выявить источник беспокойства. Мысли раздваивались, путались, и это могло быть одним из признаков ментального вмешательства. Зная, что ничего просто так не происходит, он заставил себя расслабиться и нашел причину во вкусе плохого кофе. Как просто.

– Скорее всего, это дискомфорт пищеварения. Нужно отвлечься.

В кафе было как на курорте. Беззаботно. Хорошо поселиться в таком месте на старости лет.

– Если у тебя нет хобби, тогда ты начинаешь изменять жене. – Донеслось из-за соседнего столика.

– Фантастика! – Развеселился Александр. – Жизнь продолжается.

На набережную шумно въехала стая подростков на безколесных чоперах. Покрутились и уехали. К столу подошла изящная малазийка, и улыбаясь, стала собирать чашки грязными руками. Спросила:

– Что-нибудь еще?

Александр кивнул головой:

– Два чая. Мне и моему другу.

Он увидел, как к кафе подходил представитель космического объединения.

Они крепко пожали друг другу руки, как старые знакомые. Специалист по военной логистике, был причастен к бюджетным деньгам самого могущественного общества, от которого зависело распределение военных заказов. Он был одет в шорты и дурацкую помятую панаму но на поясе у него было устройство персональной защиты и личное оружие. Ничего удивительного. У Александра под одеждой было то же самое.

Они удобно уселись и обменялись уважительными вопросами о здоровье. Принесли чай. Александр с интересом разглядывал финансового монстра, тело которого уже тронул жирок.

– Как у дочки дела? – Спросил Александр, зная о его семье.

Тот кивнул:

– Нормально.

Александр не спешил начинать разговор, медленно помешивая чай.

– Жарко будет. – Нарушил молчание председатель.

– По крайней мере, это лучше чем холод.

Отхлебнули. Председатель зажал двумя руками чашку и посмотрел на Александра:

– Не представляю, чем я могу быть полезен вашей организации? Вы и так пользуетесь безграничной властью.

Александр поставил чашку, погладил руками стол перед собой и сказал:

– Какое же здесь дерьмовое кофе!

– Ничего не поделаешь, это америка.

Александр вздохнул, словно ему приходилось начинать урок:

– Намечается кардинальная перестройка налоговой системы. Не будет никаких исключений ни для кого. Все заплатят одинаково низкие налоги, от которых не существует укрытия. Коррупция выносится в отдельный формуляр, у власти стоят военные, и честь и достоинство их, не совместимо с подобными понятиями.

– Вы внедряете доктрины масонства. – То ли спросил, то ли ответил председатель.

Александр сразу почувствовал его внутреннюю силу. Было понятно, что это человек дела. Ему мало сказать, ему нужно еще и доказать, дать почувствовать, что это не только слова.

– Неважно, под каким соусом это преподносить, главное стабилизировать экономику. Предпринимательство и личные амбиции должны быть введены в ранг национальной доблести.

– Любой, без исключения, правитель об этом только и мечтает. Но в свое время это не у всех получалось.

– Сейчас мы живем не в своем времени, а в нашем. Речь идет о галактических процессах экономики. Существует масса коммун с пиратскими намерениями. Естественный процесс становления заберет неопределенно много лет, но с условием централизованного управления, все факторы экономики удастся стабилизировать за десять лет. К сожалению, существуют непопулярные методы. Без террора осуществить антиинфляционные меры не удастся. Прежде всего, это касается пенсионной системы. Этого болезненного нарыва и извечного кормила чиновника. Сколько средств из него утекло за все время существования фонда, не возьмется сказать никто, но точно известно, что благодаря пенсионному фонду удалось удержаться нескольким популистским правительствам. Это общенациональная дурилка, из которой безнаказанно черпает лопатами каждый приходящий режим.

– Откуда же вы собираетесь черпать?

Александр посмотрел на него:

– От вас. От военных промышленников.

– Интересно. Вы собираетесь из меня выбивать дань?

– Нет, все заказы объединяются в общий распределитель и, получив их, вы добровольно платите комиссионные в ложу в виде налогов. И это никак не затрагивает ваши интересы и интересы работников.

– Но это же национализация производства!

– Ошибаетесь уважаемый, это модернизация. Каждому по потребностям, от каждого по способностям. Каждый цеховой мастер имеет свою долю со своего цеха, но облагается налогом, используя при этом производственные льготы. Такие, как семейное страхование, личный транспорт, питание, отдых, индивидуальные заказы и тому прочее.

– Что буду иметь я?

– Все, что имели до сих пор, но на законных основаниях. То есть за свое сердце теперь будете спокойны. Бессонные ночи канут в прошлое.

Председатель пригубил чаю.

– Как это ни странно, но я вам симпатизирую. У вас большая энергетика.

– На электростанции энергетика еще больше.

– И с юмором у вас тоже в порядке.

– Как это ни парадоксально звучит, но только сейчас мы стабилизировали ключевой закон рынка – соблюдение прав частной собственности на средства производства, свободу предпринимательства и дух фантазии и новаторства. Теперь, когда почти стабилизирована пенсионная система и человек не боится на старости лет оказаться на улице, пришла пора создать зависимость не от контролирующего органа, по типу государственной структуры, а зависимость друг от друга. То есть порядок в обществе зависит от осознанной дисциплины. Но при этом вывести из общества идеологический момент. Все мотивы поведения будут осуждаться общественным мнением, то есть, собственными соседями.

– Идеальное общество. И как вы это видите?

– Вывести церковь из руководства. Моамы уедут на периферию контролировать дикие коммуны.

– Вы понимаете, о чем говорите?

– Да. Но никто воевать с церковью не будет. Они останутся на местах. Просто мораль общества изменится. Воровать станет невыгодно.

Председатель поставил чашку.

– Вы знаете, я человек заинтересованный в сохранении старого строя, но мне нравится ваше мировоззрение.

– Я знаю.

– Откуда вы все это знаете? Вы слишком уверены.

– Вы ошибаетесь, уважаемый. Может вам и кажется, что я символ перемен, но на самом деле я винтик в общей системе. По велению Совершенного, тяжкой ношей мне выпала эта роль всеобщего нарушителя законов, но на моем месте мог оказаться любой другой. И более того, под видом священников-моамов очень часто скрываются обыкновенные нацисты и националисты. Их узкое мышление не отвечает запросам глобализации. Нужно мыслить шире. Вот и приходится мыслить шире. И скажу вам, что я вовсе не ощущаю себя повелителем идей, а просто человеком, который выполняет свой долг. Я также имею особенность уставать и боюсь понести наказание за неисполнение долга. А если в целом, то в нашем обществе разрушена моральная идеальность.

Подошла малазийка и поставила тарелочку с зеленью. Промышленник сказал:

– Это кока. Добавляют в чай. Хорошо утоляет жажду.

Александр взял на вид обыкновенный лавровый лист и пожевал. Язык онемел как после дантиста, но больше ничего не произошло, даже стало неприятно.

– Его добавляют в конфеты, в муку, кажется. А так же это основное сырье для наркотика.

Александр запил чаем и продолжил:

– В каждом из нас живет страх потери контроля над окружающей ситуацией. В этом состоит эволюционный эгоизм человека. Хотя самым разумным было бы не вмешиваться в законы эволюции. Эти законы подвластны только Совершенному. Ибо человек смеется над прошлым, а будущее его ужасает, как извращение его современных понятий. Именно поэтому человек консервативен. Он может жить только настоящим, и только по горло в крови. Человек и вся его деятельность есть плод его собственного воображения. Но это и есть правда жизни. – Александр заметил, что на них обращают внимание и понизил голос. – Но мы современники. Если имеем шанс на перемены, то обязательно ими воспользуемся.

Промышленник сидел, опустив глаза:

– Чтобы наладить подобные экономические процессы нужны неслабые знания в экономике.

– Вовсе нет. Как ни странно. За вас это сделают профи. И если вы намекаете на меня, то я, конечно же, эту работу сделать не могу. Я вообще, по образу жизни своей, тунеядец. Кроме как сплачивать коллективы, и пользуясь их услугами, направлять энергию в нужное русло, я ничего не умею. И то, представьте себе, делаю это не отрываясь от мирского удовольствия, то бишь, от завтрака. Я хочу, чтобы вы уловили разницу – я не могу это сделать, но могу это начинать.

– Скажу вам комплимент. Вы производите впечатление беззаботного наглеца.

– Скажу больше. Когда говорят, что в успехе заложено 90% труда и только 10% таланта, то врут, так как любимчики богов в этой жизни все делают играючи. Как бы шутя. И даже сами не подозревают всей серьезности своих поступков. Им повезло. Они избранные.

Промышленник вдруг спросил:

– Говорят, что вы спите на шинели, расстеленной на полу?

Александр запнулся:

– Мне так удобно.

– Слухи. Ничего не поделаешь. Вы уже достояние нации. На вас с утра молятся.

Александр вздохнул:

– Белые люди заплыли жиром и стали не в меру ленивы.

Промышленник сильно потер руками лицо:

– Чтобы решать вопросы перераспределения военных заказов, нужно опираться на меджлис.

– Мне достаточно иметь своих людей на местах.

– Интересно. А я вхожу в касту ваших людей?

– Все зависит от вашего внутреннего голоса.

Промышленник помолчал и посмотрел в глаза Александру:

– И что же я должен делать?

Александр так же посмотрел ему в глаза:

– Прежде всего, не мешать.

Промышленник долго выводил по столу пальцем замысловатые фигуры. И когда поднял глаза, Александр понял, что они уже партнеры, но он все еще сомневается и борется со своим внутренним убеждением. И тогда Александр сказал:

– По некоторым особенностям вашего поведения я вижу, что вы одинокий человек. Одинокий в своих убеждениях. Это не делает вас богаче, ибо вы и так богат, но делает вас уязвимее. Вы представляете собой человека особой порядочности.

Он добавил:

– Я тоже очень одинок.

И Александр стал говорить. Говорить, так как он умел. Убеждая и увлекая за собой собеседника.

– Я рад своему одиночеству, потому что человек приходит в этот мир один, и несмотря на свою жизнь, в конце концов, так же остается один. Как бы сильно не желал другого. Так пожелал Совершенный. У каждого свое одиночество. Такая ответственность перед Совершенным. И у каждого свой Совершенный, свой Бог.

Иногда я думаю, если бы я умер, то моя душа смогла бы дотронуться до чужих мыслей и передать им свою боль. Вот только зачем им моя боль? Ведь она всего лишь моя. Я ее так понимаю, а значит это моя проблема. И если я люблю своих детей, то это тоже моя проблема. Мои душевные муки не должны передаваться им, они должны быть счастливы. Во мне это живет простым родительским инстинктом. У каждого свой ад. И мои муки за детей, это мой ад. И больше ничей. И мне ничего не остается делать, как искать в этом наслаждение. Иначе можно сойти с ума. И порой мне так и кажется, что я давно из-за своих страхов сошел с ума и продолжаю держаться на одних только страхах. И это давно не только боль. Это мое удовольствие. Я упиваюсь этой болью, я в ней прячусь. Я бегу от всего. В самого себя. Любому человеку не хватает материнской любви, и я так же одинок без этого.

Александр улыбнулся:

– Но я не хочу, чтоб у вас появилось предчувствие несчастья.

Он побарабанил пальцами по столу. На нем появилось изображение марса. Картинка разрослась, и пересекаясь с хвостатыми кометами, стала стремительно приближаться. Уже можно было различить громадные обрывы в красной породе, необъятные пустыни, посеченные линиями дорог. Показалось желтое плато, и наконец, приблизились белые крыши одинокого здания. Картинка замерла, заморгала и пейзаж начал разворачиваться в голографию. Через секунду перед ними предстало захватывающее зрелище. Прямо на столе, на краю скалистого плато, возвышался массивный замок с величественными арками и шпилями. Строение венчалось куполами, на которых стояла золоченная статуя пророка мухаммада. Изображение мерцало и двоилось, но было хорошо видно, как по стенам из полированного камня бродила стража. На башнях виднелись голубые бронзовые статуи.

На краю четырехкилометрового обрыва, сверкал алмазом изумительный замок клана Александра, одного из повелителей мира. Говорили, что декоративные балки из красного дерева в зале приемов доставляли из берегов амазонки. Двенадцать больших залов украшали королевская мебель, персидские ковры, полотна известных художников, коллекции хрусталя, оружия и монет. В замке находилась античная библиотека и архив королевства. Но особой гордостью были двенадцать апостолов из иерусалима. В рост человека, они были отлиты из золота и инкрустированы драгоценными камнями. Хранились скульптуры в замковых подземельях, шахты которых выходили в обрыв огромного ущелья. Вход в хранилище был позволен только по разрешению самого императора и его доверенного слуги. И демонстрировали их наиболее знатным гостям, представляя как символ могущества империи. Правое крыло дворца было отведено под научный центр, где хранились рукописи многих народов. Это была и академия наук и место жительства ученых. И аналитический центр со школами по изготовлению особых приборов. Здесь трудились одаренные. Сосредоточение талантов в одном месте порождало проекты и открытия, которые приносили славу, и глядя на все это сказочное богатство, казалось, что и империя и сам император несокрушимы.

Александр помешивал чай в жестяной кружке, давая время прийти в себя изумленному промышленнику. Он потер пальцами глаза. У него пропадало зрение. Уже давно. Откинул накидку, снял очки и подставил свету красные веки. Его лицо и шея чернели страшными татуировками. Александр был молодым императором, совсем еще юной империи, образовавшейся в космосе из разрозненных коммун, и находившейся сейчас на экономическом подъеме. Александр знал себе цену, реально представлял свои достоинства и недостатки. Он догадывался, что перед его напором многим устоять трудно, и теперь ясно видел, что приобрел нового могущественного союзника. Тяжесть сваливалась с плечей, становилось легко и радостно, оттого, что все получилось, как задумывалось. Теперь все будет хорошо. Он настолько тонко чувствовал своего собеседника, что от передавшегося волнения, голос его сбился, и он прохрипел:

– До полного завершения процесса далеко, но уже сейчас видны результаты, перешедшие все ожидания. И давайте не будем забегать вперед. Ваше здоровье.

Valera Bober, OCT03,2018

УЧЕНИК ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

I

Александр покачивался на волнах. Ему казалось, что весь мир тонет в липком тумане, в котором не понимаешь даже собственных мыслей. В тумане нет ни времени, ни расстояний, нет даже эмоций, а есть только далекая дымка горизонта, за которую уходит край океана. Нет никого, он совершенно один, и в этом состоянии блаженной тишины ему казалось, что так было всегда. Он покачивался на волнах посреди бесконечного океана и слушал тишину. Ведь тишина является главной формой высшей магии. Он знал, что далеко в океане движется шторм, но здесь было спокойно. Здесь он все еще наслаждался одиночеством и тишиной. Здесь не кричали чайки, потому что не могли сюда долететь. Вот появилась первая волна, и слегка качнула. Александр еле сдержался, чтобы не открыть глаза и нервно задвигал веками. Вторая волна уже была больше. Вторая волна сделала так, что весь мир сдвинулся и стал заваливаться влево. Дышать стало нечем, и тело Александра с животным страхом рвануло к воздуху.

Он открыл глаза. Он сидел на кресле, обводя безумными глазами темную кабину, в которой щелкала электроника. Ему показалось, что своим криком он всех разбудил, но вокруг было спокойно. Вздор, понятно же, что никто не видел, как ему было страшно.

– Тошнит? – спросил из угла ученик.

Александр с трудом сдержался чтобы не обернуться и ответил, – it's OK, – и почувствовал как голос дрогнул, подумал, – вроде в замочную скважину подсмотрели, ну и черт с ним, ученика в счет можно не принимать. Одно хорошо, чужих не было.

– You sure? – так же перешел на английский, ученик.

– Hope so, inchalah, – раздраженно ответил Александр на арабский манер, и закрыл глаза.

Ученик отстал. Понятливый попался ему ученик. Нехорошо это, как-то не так все идет, нужно бы по-другому. А как по-другому? Он снова закинул голову и полетел спиной в пропасть. Перехватило дух, но он знал, что плохого не случится и поэтому не открыл глаза, а спокойно лег на качающие волны. По телу растеклась легкость, несравнимая ни с каким наркотиком, но это было лучше, чем наркотик.

Над океаном висели тучи. Почему всегда вода, почему не пески? – подумал Александр, – пески, та же вода, в них те же шорохи, и те же волны.

Яркий луч ударил сквозь окна и высветил стол, за которым сидел бородатый паломник и одетая в простое платье, женщина. Бородач пил из глиняной чаши вино, вытирал усы и икал, а женщина грустно улыбалась. Свет бросал на пол крестом тень от окна, и упирался в стену над ее головой, очерчивая ореолом волосы.

– Это знак свыше, – сказал Александр, мучительно вспоминая, где он мог видеть паломника. Ему пришло на ум, что он сомневается в правдивости этого мира. Но ведь вот же он, перед его глазами. Нет, и тот мир где он спит, и этот мир где он плывет в сумраке, существует как единое целое, просто он научился прятаться в темном месте, о котором никто не знает, и это отлично, что у него есть такое место, но главное, что никто не знает о страхе, который можно позволить в этом одиночестве. Александр шевелил губами, подбирал слова, и вдруг вспомнил лицо паломника, – ведь это его учитель, только постаревший. В голове зазвенело. Александр почувствовал, будто небо обрушивает ему в мозг невыносимый звон, и задергал щекой.

В углу заерзал ученик и пробормотал:

– Нет, не видно ничего. Не получится все это. Глупость одна.

Александр поднялся, разминая спину, и сказал:

– Не суетись, от тебя одно раздражение.

– Не понимаю, к чему вам это понадобилось? Зачем?

– Иди к черту, надоел, – лениво процедил Александр.

– Вам надо, месс'ир, вы и идите.

– Поговори мне еще.

– Тише. Взлетает что-то.

– Где?

– Чуть левее большого кратера, темная точка движется.

– Дай увеличение.

– Уже дал.

– Сканирование.

– Сделал.

– Проведи на инфракрасном.

– Да сделал уже, что вы в самом деле, так нервничаете?

– А кто здесь еще будет нервничать?

– Прошли мимо, значит не заметили.

– Может защитный экран включить?

– Месс'ир, ну вы точно кабиной поломались, они же нас сразу срисуют.

– Хм, действительно.

– Да и не патруль это. По всему видать, они уходят с поверхности. Вряд ли у них здесь выставлено патрулирование. Не от кого.

– Ну, что будем брать?

– Кого брать? Месс'ир, вам что, чаю горячего принести?

– Уши надрать? Стыдно ведь потом будет.

– Надирали уже.

– Что предлагаешь?

– Этих пропускаем. Незаметно выбрасываемся, ищем вход, а дальше по обстановке.

– Логично.

– А что, опять кроме нас сделать некому?

– В том то и дело, что некому.

– И зачем это все?

– Дело государственное!

– Стоило две недели мотаться по системе, чтоб нарыть мумию в катакомбах.

– Ты и про святыню знаешь?

– Да у вас же в кармане фотография лежит.

– Что?

– Да не в этом, а в левом.

– Ты что себе позволяешь?

– Все улетели. Чисто.

– Ладно. Учти, идти придется вдвоем.

– Не понимаю, почему вы все сами должны? Зачем такое?

– Говорю, дело государственное. Некому больше.

Александр откинулся на кресло, – как дети, в самом деле. Он не спал и не ел почти две недели. Он даже не умывался, опасаясь, что охрана обнаружит под сильно подведенными глазами синяки, а это первый признак слабеющего организма. Александр бросил взгляд на румянец ученика и приказал:

– Распорядись, чтобы привели колдуна. И оставь нас.

Ученик ладонью вытер рот, будто имел привычку носить усы, затем повернулся к двери и щелкнул пальцами. Через секунду дверь открылась и два охранника втолкнули закованного в кандалы, старика. Александр, проводил взглядом ученика, и не предлагая сесть старику, коротко бросил:

– Подумал?

Тот прокашлялся:

– Вели подать чаю.

Дверь открылась и мордоворот моджахед, с огромными, как лопата руками, неуклюже поставил поднос с двумя стаканами.

Александр посмотрел на поднос и дернул головой:

– И даже горячий?

Моджахед быстро исчез. Старик, звеня кандалами, обхватил стакан и уселся на пол.

– Подумал? – повторил Александр.

– Не гляди так страшно, конца земли святой не увидишь, – ответил старик и осторожно стал ловить губами край стакана.

– С огнем хочешь поиграть?

– А не с чем играть. И тайны более никакой нет.

– And?

– Новое учение придет от Дикого Братства и провозгласит себя великим шествием по всему миру.

– Что же я такого пропустил?

– Ты Искандер Двурогий, хотя и велик и во многом преуспел, но не принял ты паломников страждущих в мир новый. Взял грех на себя.

– Значит все-таки паломники, – сказал Александр, и почувствовал недовольство от того, что колдун любуется собою, стараясь удивить его.

– Ты есть служитель князя тьмы, а руки твои опутаны узами нечистых духов. Тот кто придет после тебя, будет учиться на ошибках твоих, учится мудрости единой церкви, но примет страждущих от грехов твоих, ибо ты грешен, – продолжал старик.

– Когда сие станется? – как можно спокойнее спросил Александр.

– Сие уже сталось. Самая высокая честь отдана архангелу Аликсию. Он проводник, и ему вся слава земная. Ему откроется тайна событий и будет залог вечной жизни, и тогда в земле нового израиля сын небесной тайны родится.

– Все-таки паломники.

– Радуйтесь, что не ты обожжешь руки. Прими благословение господне и спасение души. Не бойся отросток стада убогого, избранный ты. С тобою Совершенный.

Старик отставил стакан и пошамкал беззубым ртом:

– Хорош чаек!

Глаза его сияли безумством. Александр обратил внимание на его мокрый рот, и брезгливо спросил:

– Кто он?

– Ты о ком?

– Тот, кого ты называешь архангел Аликсий.

– Тело его как у прокаженного, но ум ясен словно свет. Великим будет его царствие.

– Пустозвонство пророчишь ты.

– После него паломники придут царствовать. Дикое Братство.

– Когда придут?

– Скоро уж.

– Какая судьба его?

– Кого?

Александр опустил глаза и сдерживая себя, сказал:

– Того, кого ты называешь архангел Аликсий.

– Он настоящий помазанник божий. Ты против него всего лишь хан. Народ учует его сразу и покорится милости его.

Александр морщился, словно у него болела шея.

– Какова моя судьба? – наконец спросил он.

Старик прищурился:

– Проиграет тот, кто не захочет войти в новый мир, а секрет у того кто имеет смелость разрушить старое. Но может и так статься, что после лютых мучений усечен мечом будешь.

Александр разинул рот, взял руками себя за челюсти и стал их разрывать.

– Не все так плохо, – проговорил колдун.

Александр потер бритую голову:

– Сколько у меня есть времени?

Старик звякнул кандалами:

– Время уходит. У тебя осталось два полных круга солнца. Когда светило пройдет половину первого круга, на месте стыка замрет на миг. Это и есть твой шанс, в котором не прилагая усилий ты можешь проявиться. В тот критический момент любое давление приведет или к расцвету, или гибели империи.

– И как мне поступить тогда?

– А никак! Раз этого не знает никто, то и изменить не может никто.

– Не знаю я.

– И не надо тебе знать. Твой наместник знает, – перебил его колдун.

Александр почувствовал как затрепетал воздух. Он понял, что тот не зря пытается его раздражать. Как-то все не так, – Александр потянул носом, – это запах предателя, он враг, враг. Александр собрался и представил между собой и колдуном стену. От напряжения в гла-

зах зарябило и собеседник помутнел. Этого хватило на несколько мгновений, и всматриваясь в лицо колдуна, он увидел, как тот дернул глазами и насторожился. Александр потер подведенные глаза и сказал:

– Если бы ты был так глуп как кажешься, то не прожил бы и этих десяти минут.

Колдун отклонился от него, как о проказы:

– Нет у тебя никаких доказательств на меня, наговариваешь все.

– А мне и не нужны доказательства, колдун.

– Я пророк.

– Ты пророк? А что такое пророк? Ведьмак, чародей? Творить чудеса или насылать порчу умеешь?

– Могу многое.

– В старину такое проделывали простые шаманы.

– То были великие жрецы.

– То были язычники, а христианская идеология отвела тебе лишь роль диавола с дикой внешностью.

– Побойся Совершенного, я занимаюсь врачеванием.

– Только рожа у тебя вся кривая и в шрамах как у шайтана.

– Я лекарь и ничего плохого не замышлял.

Александр прикрыл глаза:

– Когда всех ведьм сожгли на кострах, такие кудесники как ты стали тереться при королевских дворах в поисках славы и денег, – Александр открыл глаза и повысил голос, – и все что им нужно было, это только ублажать царей.

Колдун открыл рот, но Александр его перебил:

– Ты хочешь власти над своим императором? Ведь ты про это думал? Сознайся, и я прикажу тебя казнить не больно.

Колдун сжался:

– Лжецаря ты пригрел на груди. Не в чем мне признаваться.

Глаза Александра сделались жесткими:

– Сегодня тебе ампутируют левую руку по локоть, а когда рана заживет, тебе отрежут правую руку. Через неделю удалят левую ногу по колено, и ты будешь жить еще месяц в ужасе ожидания, когда к тебе придут отрезать последнюю конечность. Затем оденут ошейник и посадят к собакам. Ты будешь жить настолько долго, насколько выдержит твой организм, а есть сможешь из миски только ртом и только лежа, если конечно дотянешься.

Колдун упал на колени:

– Это весть ложная, царь, правду говорю я, под ликом архангела скрывается человек без ушей, меченый он, с магом спутался ты, православный, побойся Совершенного. Заговорщики это.

Александр сказал:

– Я рад, что ты понимаешь. Видишь, о чем мне приходится думать, и при этом еще и дань нужно собирать с вассалов, а для царя дань собирать, это последнее дело. Некоторые известные семьи, особенно те, что находятся на существенном отдалении от имперской канцелярии, проявляют неуважение к императорскому дому и пытаются не платить. Вот мне самому и приходится устраивать казни. Неприятно, но такова моя работа.

Он повернулся к слуге и кивнул головой. Полуголый моджахед взял колдуна за шиворот, но тот резво выскользнул, обхватил Александра за ноги и заскулил:

– Не надо. Они приказали мне сделать так, чтобы ты сам захотел обратить на него внимание.

Александр покачал головой:

– Сколько волка не корми, а хвост все равно толще. Скучно мне с вами, – и махнул рукой, – отведите его обратно, только не калечьте.

II

Свет погас и завыла сирена. Личная охрана заметалась в проблесках, и стала напоминать кукольный театр, который путался под ногами, перегородив весь коридор. Александр потерял ученика и теперь боялся, что тот пропустит нужный поворот. Сбив какого-то солдафона, который пытался закрыть его грудью, он прыгнул под кабели, вырвал карман комбинезона, и сыпя осколками, понесся по переходу. Впереди мелькнула тень. А мальчик молодец, мальчик не промах, – радостно вспыхнуло в мозгу Александра, – есть у меня еще нюх. Не раздумывая, он сиганул в узкий лаз кабины, падая кому-то на голову, больно ударился локтем, выдергивая пальцы из под люка, и услышал как за ним с грохотом замыкается пространство. На голову надавила тяжелая крышка. Вой и крики остались наверху и Александр с ужасом понял, что застрял в темной трубе. Мелькнула нехорошая мысль о заговоре и предателях, и он рванулся назад, но стабилизаторы уже отстрелили, сбрасывая челнок в шахту, и они полетели вниз.

Сердце подпрыгнуло так, что пошли оранжевые круги перед глазами, и он понял, что увидел солнце. Александр нащупал скользкую рукоятку, осознавая, что это не рукоятка мокрая, а его руки липкие от страха. Он прошипел, – спокойно император несчастный, спокойно, – и услышал, как внизу кто-то читает молитву. Александр сжал зубы от досады, что опять думает вслух. Челнок выпал из шахты, клюнул носом, и поверхность планеты стала наваливаться на лобовое стекло. Сверху их накрыло покрывалом черного неба, а внизу засеребрились кратеры в косых тенях. Над головами проплыло днище фрегата, сияя иллюминаторами. Родной и теплый мир уплывал, оставляя их в ледяной бездне, наедине с собственным страхом. Александр потянул рукоятку на себя и почувствовал как челнок завывает, вырываясь вперед. По кабине тени побежали в одну сторону, потом в другую, затем яркий шар земли, блеснув зеленым океаном, покатился в хвост, и в кабине сделалось темно. Александр потянулся протереть стекло и в этот момент их перестало трясти.

– Выскочили, – снизу закричал ученик.

– А, это ты? – прохрипел Александр, – головку не зашиб?

Внизу засопели.

Теперь он был на своем месте. Теперь он мог позволить себе поиздеваться над учеником, но это была слабость, которую он тут же подавил. За время посадок и взлетов Александр так и не привык к перегрузкам, которые испытывают пилоты. Он скривился, и резко сбросил высоту. Под днищем потянулась пустыня. Неожиданно из тумана выскочила стена и Александр бросил челнок вверх, перепрыгивая через камнелом, и перед ними расстелилось дно кратера,

засыпанное пылью. Александр повел челнок по кругу, следя за показаниями на пульте управления. Он заметил, что приборы указывают на присутствие белковых организмов, хотя под ними ничего не просматривалось. В нем теплилось предчувствие, которым он пользовался как собака нюхом и доверял более всего на свете, и когда в тумане что-то мелькнуло, он осторожно пошел в направлении теплоты. И сразу стали проявляться канавы. Александр сбросил скорость. Челнок поплыл над темным провалом карьера со скользкими камнями. Сделав круг над каменоломней, Александр тормознул, занося хвост, и завис возле шатра с провисшим брезентом. Он выпустил когти и выключил двигатель. Стало тихо. Александр сидел, всматриваясь в белую сырость. Вскоре туман осел, открывая заброшенный карьер, где блестели каменные плиты. Чуть в стороне теснились ангары из ржавого железа. А дальше чернело небо, в котором висел яркий серп земли. Александр надел намордник, натянул очки и спрыгнул вниз.

Мир сразу же изменился. Александр протер стекла, но это мало помогло. Рядом что-то упало, и он отступил в сторону, различая как проявляется уродливая голова с глазищами. Я тоже так выгляжу, подумал Александр. Ученик что-то промычал и растворился в проеме шатра. Александр вытянул руки и шагнул в сумрак, ощупью спускаясь вниз. Через несколько секунд стекла очков привыкли к темноте, и он увидел, что стоит в каменной штольне. Штольня упиралась в герметическую дверь, с облезлой краской. Под ногами лежала мумия лошади с выпирающими ребрами.

– Этот вход лет сто не трогали. Две минуты, месс'ир.

Дверь со скрежетом распахнулась. Стало теплее. Александр рискнул снять мокрый намордник, и почувствовал по запаху, что коридор знакомый. Они свернули за поворот и тоннель нырнул ступеньками в отстойник, в котором стояла черная вода. Ученик взял в зубы фонарик и вместе с рюкзаком, прыгнул в страшную жижу. Со стен сорвались тараканы. Не обращая внимания, ученик пошел вперед, поднимая подбородок. Александра обступила темнота, только впереди покачивался ореол света. Голова начала дергаться, распуская круги, и вдруг ушла под воду. Стало темно.

– Ты что? – сказал Александр в пустоту.

Впереди забулькало.

– Ну-у, – протянул Александр и прыгнул в ледяной омут. Дыхание забило. Он поскользнулся, не понимая где верх, где низ, уперся в жирное дно, и выскочил на поверхность. Над головой нависла шлюзовая створка. Александр перевалился за перегородку и мешком упал на бетонный пол. Голова промерзла так, что он стал путаться мыслями, и не сразу понял, что ученик лежит рядом. Ну и пусть полежит, что с ним сделается, он же живучий, – злорадно подумал Александр. Он натянул очки и увидел, что проход упирается в шахту, и другого хода нет. Сзади высилась чугунная плотина с клепаными ребрами, с которой он вывалился. Метра четыре, – прикинул Александр. Они лежали мокрые на бетонном пятачке, между перегородкой и провалом шахты, каким-то чудом не свалившись вниз, и в уши давила тишина, в которой можно было слышать шорох собственных ресниц. Александр слизал с пальцев влагу со вкусом железа. Повезло или судьба? Он медленно выдохнул через нос, запустил руку ученику под комбинезон и стал гладить покрытое шерстью горячее тело, чувствуя как смертельная инфекция рвется со звуком сухой травы. Он брезгливо струсил руки, а страх шептал, – ты можешь, ты должен, у тебя получится, не останавливайся, пробуй. И Александр не останавливался. Он что-то делал раскаленными руками, водил вокруг больных мест и вскоре почувствовал, что кровь в неподвижном теле запульсировала.

– Полежи немного, отдохни, – сказал он, – скоро устроим праздник. Он провалился в темноту и наверное заснул, и во сне услышал как тянет запахом мазута. Это знак. Он плюнул в шахту. Из глубины не донеслось ни звука и тогда он, сыпя ржавчиной, полез вниз. После бесконечного спуска у него стали дрожать руки и ноги, он подолгу висел на скобах, а звук все так же терялся в глубине. И все-таки в этой черной бесконечности слух уловил что-то

постороннее, шуршание крыльев бабочки, что билась в форточку. Он вытер об себя ладони, и с облегчением услышал, как на голову сыпется ржавчина, – наконец-то лентяй проснулся. И понял, что ступенек больше нет, хотя шахта тянулась дальше. В стене был проем. Он еще раз плюнул вниз и полез в темноту. Что-то загудело и под потолком стали включаться лампочки, высвечивая побеленный тоннельчик. Александр повалился на кучу мусора, не имея сил стереть слезы с лица, и стал ждать. Где-то стучал агрегат. Перед глазами плыло, тошнило, и Александру захотелось как в детстве спрятаться под одеялом.

– Месс'ир, – донесся голос, и Александр провалился в туман, от которого онемели щеки. Над ним наклонился учитель, огромный и бородатый, и взял на руки. Ничего не бойся, – сказал он. Глубоко под сердцем сидела тоска, гнетущее одиночество, что он один, что нет у него никого, и не будет. Он открыл глаза и увидел, что на полу, положив под голову рюкзак, спит ученик, по-детски подсунув под подбородок руки с шестью пальцами, и глаза у него светятся голубым, как настоящее небо. Александр посмотрел в потолок, но учителя там не было, и ему стало жаль себя до слез. И почему он не спит как все нормальные люди, с закрытыми глазами, – подумал он, – или может он только делает вид, что спит? Он поводил рукой. Тот продолжал ровно дышать. Александр спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.